

Квартетный вирус у меня в крови

Валентин БЕРЛИНСКИЙ
входит в элиту отечественных музыкантов. Он является одним из основателей и бессменным виолончелистом Квартета имени А.П.Бородина, отмеченного Книгой рекордов Гиннеса в качестве старейшего камерного ансамбля России. 19 января Берлинский отметил 80-летний юбилей. А двумя днями ранее свое 60-летие отметил Квартет Бородина.

— Валентин Александрович, с какими чувствами вы встречаете эту дату?

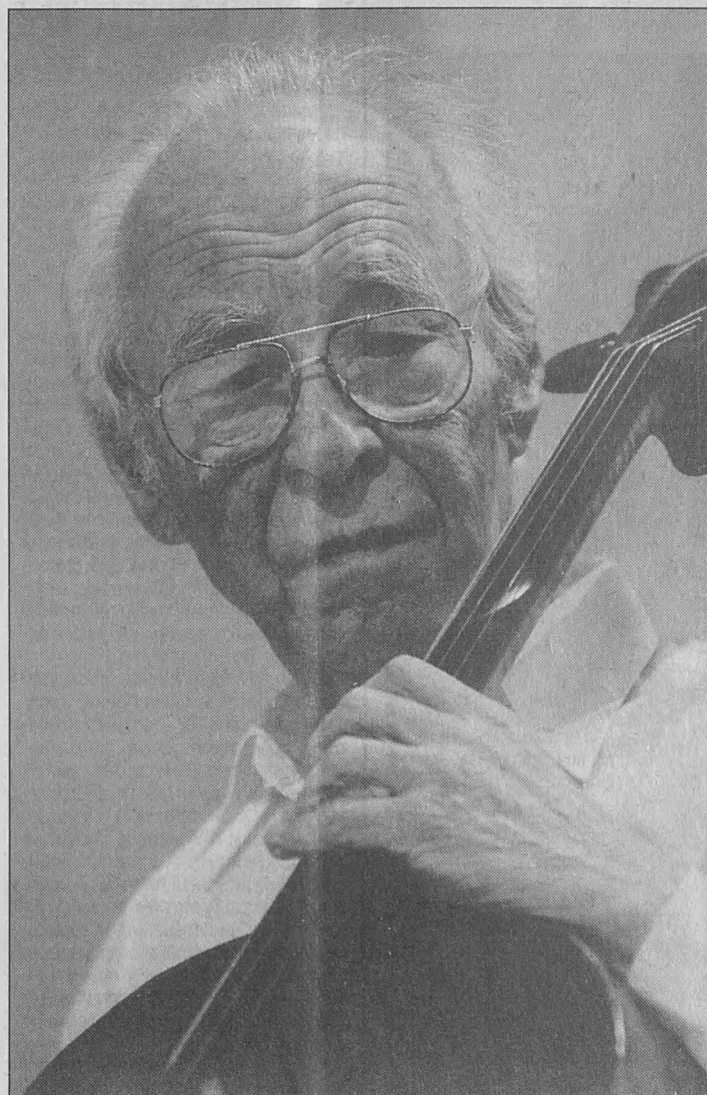
— Если попытаться сказать совсем коротко: с чувством, что прожил жизнь не зря, что мне удалось сделать многое из того, что хотел. И наверное, это самое главное. Дома у меня хранится пожелтевший листок бумаги, датированный 1945 годом, на котором мы, четыре студента Московской консерватории, написали клятву и расписались кровью, в том, что самое дорогое для нас в жизни — это квартет. Вот с тех пор верность этому обязательству я и соблюдаю. Я собираюсь прожить до 80-летнего юбилея квартета. И не просто прожить, а остаться действующим музыкантом и продолжать ощущать радость от того, чем я занимаюсь.

— Музыка какого времени как исполнителю вам ближе всего?

— Современная, начиная, пожалуй, с... хотя это довольно каверзный вопрос, потому что если я скажу, что мой любимый композитор Шостакович, вы у меня спросите, как я отношусь к Генделю или Баху. И все же мне ближе всего музыка Шостаковича. А в то же время музыка Моцарта или Бетховена также для меня дорога. Поэтому скажу так: мое любимое произведение — это то, которое в данный момент стоит у меня на пульте. Я вынужден его любить, потому что иначе не могу играть.

— Известно, что отношения между музыкантами не всегда складываются гладко. Но, насколько мне известно, вы дружите с Мстиславом Ростроповичем?

— Совершенно верно, несколько лет тому назад мы с ним отпраздновали 50-летие нашей дружбы. Она началась еще во время войны, когда мы вместе учились в консерватории у профессора Семена Козолупова. В то время студенческий квартет толь-

В. Берлинский

ко начинал свое существование, и никто не знал, каковы его перспективы. И мы со Славой являлись в некотором смысле конкурентами, но это не мешало нам дружить. Позже, когда я преподавал в музыкальном училище Ипполитова-Иванова, а он в консерватории, то я самых талантливых своих выпускников направлял к нему.

— В годы его изгнания из страны ваша дружба продолжалась?

— Да, и я был одним из немногих филармонических музыкантов, кто поддерживал с ним отношения. И однажды меня даже вызвали в соот-

ветствующие органы и сказали, что хорошо бы нам перестать общаться. Но я в довольно резкой форме им отказал, сказав, что друзей я не предаю.

— Да и Квартет Бородина тоже, если не ошибаюсь, был каким-то образом связан с диссидентством?

— Нет, диссидентами мы никогда не являлись. Правда, в середине 70-х в течение некоторого времени нас не выпускали за границу. Но никакая политической подоплека в этом инциденте не было. Все произошло по "вине" одного из музыкантов, кото-

рый пытался провезти домой незафиксированную валюту, кажется, 400 долларов. И когда эта "гигантская" сумма была обнаружена таможенниками, те написали соответствующую телегу в Министерство культуры и выездной отдел ЦК. И нас на два года сделали невыездными.

— Но в наши дни Квартет Бородина постоянно выступает за рубежом, где-то я читал, что если сложить все ваши поездки, получится, что квартет несколько раз объехал весь земной шар. Скажите, не превращается ли при таком образе жизни понятие Родины во что-то условное и относительное?

— Мне даже как-то странно, что вы задаете такой вопрос. Если бы Россия не была для меня родиной, я бы давно уехал, таких предложений поступает достаточно. Но я не уезжаю, и это — принципиальная позиция. К сожалению, слову патриотизм сейчас очень часто придается дурное, иногда даже насмешливо-ругательное значение. Для меня же патриотизм — это не березки и не девушки на берегах реки Оки, кажется, так поется в песне, а что-то гораздо более глубокое. Здесь дело в менталитете, в самом принципе восприятия культуры. По-моему, в конечном итоге не такое уж большое значение имеет, какая партия у власти, кто прошел в Думу и так далее. Важно другое: сама почва, духовная атмосфера, и я ни на что не променяю нашу слушательскую аудиторию. Самый сложный экзамен для меня — концерт в Большом или Малом зале Московской консерватории. Нигде за рубежом я с таким трепетом и волнением не играю, как в Москве. Да и не только в Москве, то же самое я могу сказать и о Нижнем Новгороде, Воронеже, Саратове... Эта слушательская аудитория мне гораздо ближе и дороже, чем публика в Германии, Франции, Англии.

— Многие деятели культуры сейчас уходят в политику, занимаются ли этим вы?

— Отдаю много времени общественной или, точнее, просветительской деятельности: я — председатель жюри Международного конкурса квартетов имени Шостаковича, также являюсь художественным руководителем Международного фестиваля искусств имени Сахарова в Нижнем Новгороде. Самая же главная моя общественная работа — это занятия со студентами Академии им. Гнесиных. Общение с молодежью дает мне много сил и как бы их аккумулирует. Эта сторона деятельности для меня не менее важна, чем исполни-

тельная. Я горжусь тем, что мои ученики выступают в таких известных и популярных коллективах, как "Доминант-квартет", "Вероника-квартет", "Романтик-квартет", "Моцарт-квартет" и многих других. А что касается политики, никаких политических игр я не поддерживаю. Например, на выборах 1999/2000 года мне предлагали участвовать в одном из блоков, но я, естественно, отказался. Так что за политикой только наблюдаю со стороны. Главная же моя забота состоит в том, чтобы наши политики никогда не забывали слова академика Лихачева, что Россию, да и весь остальной мир спасет культура, и если ее не будет, то человечество обречено.

— В концерте, посвященном вашему юбилею, который называется "Три поколения", принимают участие ваша дочь Людмила и внуки Митя и Маша. А вы сами выросли в музыкальной семье?

— Да. Мой отец учился играть на скрипке, правда после тяжелой болезни был вынужден бросить музыку и окончил Петербургский университет как юрист. А мама обладала замечательным контральто — не имея музыкального образования, она пела в хоре Всесоюзного радио. А что касается моих квартетных корней — у меня есть фотография, на которой запечатлен Квартет братьев Берлинских, которые в начале XX века в Дворянском собрании Иркутска играли квартеты Гайдна, Моцарта, Бетховена. Так что квартетные вирусы в нашем роду гуляют с тех пор.

— Вы посвятили свою жизнь серьезной музыке, интересно, а как вы относитесь к легким жанрам и слушаете ли что-либо подобное, ведь есть музыкальные шедевры у "Beatles", у Эндрю Ллойда Уэббера, да и у многих других групп и исполнителей?

— Бесспорно. Например, я очень люблю джаз 30 — 40-х. Глена Миллера, Армстронга, Эллу Фицджеральд. Сейчас это уже считается классикой. Названных вами "Beatles" и Уэббера я вполне приемлю и уважаю, хотя специально не слушаю. Но признаю, что это настоящее искусство, в которое вложены большой труд и талант. К сожалению, то, что звучит сейчас по телевидению, чаще всего лишено и того и другого. И даже канал "Культура" недостаточно, как мне кажется, пропагандирует классическую музыку. Как это ни грустно, но нельзя не признать, что интерес к серьезной музыке сейчас заметно упал. Но думаю, что это проходящий момент, потому что истинное искусство вечно. А

вот песни, заполняющие сегодня радио- и телеэфир, — это мотыльки, которые довольно быстро исчезнут, и о них забудут.

— Да, но появятся другие мотыльки. Наверное, что-то аналогичное попсе было всегда. Скажем, в XIX веке большой популярностью у простого люда пользовалась музыка, звучащая в кабаках, на ярмарках...

— Совершенно верно, но тогда это именно была музыка, как вы сказали, звучащая в кабаках и на ярмарках, а теперь этот лубок вышел на большие эстрады, заполнил радио и телевидение и одурманивает миллионы людей. Раньше у нас считалось, что религия затуманивает рассудок — ничего подобного, религия очищает. А вот плохая музыка действует на сознание человека как настоящий наркотик. Множество людей живут как будто зомбированные попсой, и это ужасно.

— Судьба успешного мужчины, причем не важно, в какой именно области, не может сложиться без женщины. Скажите несколько слов о вашей прекрасной половине.

— Через три года мы с моей замечательной супругой отпразднуем золотую свадьбу. И если бы не она, я, наверное, не смог бы достичь многого. Ведь благодаря Зое я всегда чувствовал и чувствую до сих пор надежный тыл. Познакомился я с ней случайно, можно сказать, пристал к ней на улице, точнее, в метро. Однажды, возвращаясь домой, я увидел потрясающую девушку и загадал, что если она выйдет вместе со мной на Красносельской, то должен буду с ней познакомиться. И представьте себе, она вышла именно там. Я набрался смелости и сказал ей, что такая встреча бывает только один раз в жизни и обязательно хотел бы увидеть ее как-нибудь еще раз. Она улыбнулась и доброжелательно ответила, что как все советские служащие, к девяти утра приходит на работу и поэтому каждый будний день в восемь часов спускается в метро. На следующий день я проводил ее до работы и предложил как-нибудь вместе пообедать. Через несколько дней мы встретились в ее обеденный перерыв, а еще через полгода — поженились.

Беседу вел
Александр СЛАВУЦКИЙ
Фото Эдуарда ЛЕВИНА